

люции, была, конечно, аксіомой какъ для П. Аксельрода, такъ и для Г. Плеханова. Объ этомъ П. Аксельродъ говорилъ въ 89 г. въ популярной брошюрѣ «Задачи рабочей интеллигенціи въ Россіи»; въ виду этихъ неизбежныхъ конфликтовъ онъ началъ борьбу съ такъ наз. «экономизмомъ» съ перваго же момента его зарожденія; въ виду этого же, наконецъ, «Гр. Осв. Тр.» съ самаго начала своего существованія настаивала на неизбежности образованія элементовъ *самостоятельной* рабочей партіи. И уже изъ статьи «Истор. полож. и пр.» можно было усмотрѣть, при какихъ условіяхъ эти конфликты возникнутъ. Какъ мы видѣли, П. Аксельродъ указывалъ, что сама борьба пролетаріата съ капиталистической буржуазіей толкнетъ послѣднюю въ будущемъ на путь оппозиціи подъ знамя либерализма. Но если приобщеніе капиталистической буржуазіи къ освободительному движенію должно было значительно усилить шансы его побѣды, то, съ другой стороны, это же неизбежно должно было сопровождаться усиленіемъ борьбы и внутри общенациональной оппозиціи, хотя бы по тому одному ужъ, что нашъ пролетаріатъ извлекалъ свои первые политическіе уроки именно изъ своей борьбы съ капиталомъ.

Таковы были рамки, въ которыхъ въ то время, въ 90 г., «Группъ Осв. Тр.» рисовалась перспектива гегемоніи или руководящей роли пролетаріата. И объ этой гегемоніи рѣчь шла, какъ объ исторической возможности, которая можетъ претвориться въ дѣйствительность лишь при двухъ условіяхъ: если пролетаріатъ будетъ вести борьбу подъ знаменемъ социаль-демократіи и если соц.-демократія будетъ на высотѣ своихъ задачъ. «Двѣ крайности,» писалъ П. Аксельродъ въ 98 г., могутъ угрожать нашему рабочему движенію. «Во первыхъ, если бы это движеніе не вышло изъ колеи частныхъ столкновеній рабочихъ съ отдѣльными предпринимателями,—это лишило бы его всякаго политическаго интереса... Но быть можетъ еще хуже была бы другая крайность. Я имѣю въ виду тотъ случай, еслибъ наше рабочее движеніе, увлеченное бакунистскими и бланкистскими теченіями, поставило бы своей *непосредственной* практической цѣлью анархическую или коммунистическую революцію. На практикѣ оно выразилось бы тогда въ беспорядкахъ, легкомысленно вызываемыхъ стачкахъ, сопровождающихся насиліями, и силы пролетаріата были бы, такимъ образомъ, растрачены понапрасну... Что касается первой крайности, то отъ нея мы застрахованы . . . режимомъ. А предохранить наше рабочее движеніе отъ вліянія бакунистовъ и бланкистовъ есть прямая обязанность господствующихъ въ немъ соц.-демократическихъ элементовъ» ¹⁾.

II. 90-ые годы.

Схема и дѣйствительность. Недооцѣнка пятидесятиками тормазовъ экономическаго развитія Россіи и общенациональнаго характера нарастающаго движенія.

Расцвѣтъ „экономизма“. Поворотъ союзниковъ соц.-демократіи къ идеализму.

«Гр. Ос. Т.», опираясь на уроки потерпѣвшаго пораженіе «самобытнаго» движенія 70 г. и на опытъ передовыхъ европейскихъ странъ, намѣтила главныя вѣхи революціоннаго развитія Россіи и вытекающія отсюда основныя проблемы русской соц.-демократіи. Дѣйствительность, въ общемъ и цѣломъ, вполне подтвердила вѣрность ея представленія о *направленіи* революціоннаго развитія.

¹⁾ См. П. Аксельродъ. „Истор. полож. и пр.“ стр. 67.

Но развитие шло въ этомъ направленіи туго, оцупью, окольными путями. Русская социалдемократія не совсѣмъ избѣгла участи своихъ собратьевъ—необходимости учиться, преимущественно, на собственномъ опытѣ и отчасти на собственныхъ ошибкахъ.

Уже тѣ самыя историческія условія, которыя дали основаніе П. Аксельроду въ 90-хъ г. г. говорить о возможности революціонной гегемоніи русскаго пролетаріата, заключали въ себѣ оборотную сторону медали. Наличие развитой индустріи и ея спутника—промышленныхъ рабочихъ, воспримчивыхъ для современныхъ социалистическихъ идей, съ одной стороны, крайне отсталая національная общественная обстановка, съ другой, дѣлали нашъ рабочий классъ главнымъ рычагомъ развитія революціи. Отсталость общественныхъ отношеній, неразвитость городовъ, политическая незрѣлость капиталистической буржуазіи, полунатуральный бытъ миллионныхъ крестьянъ-общинниковъ—все это благоприятствовало привлеченію къ борющемуся пролетаріату симпатій все болѣе и болѣе широкихъ слоевъ населенія поработенной страны. Но тѣ же условія лишали его въ борьбѣ *самостоятельно организованныхъ* союзниковъ изъ буржуазныхъ классовъ. А это обстоятельство не только значительно ослабило силу общенароднаго натиска на старый порядокъ, стихійно ускореннаго японской войной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно замедлило процессъ классового самоопредѣленія самого пролетаріата въ предреволюціонную эпоху.

Благодаря политической недифференцированности и аморфности населенія, на долю русской интеллигенціи въ истекшую эпоху выпала еще разъ самодеятельная и очень выдающаяся политическая роль. Принадлежа по своему социальному положенію къ буржуазной демократіи, русская разночинная интеллигенція, благодаря политической недифференцированности населенія, выступала наканунѣ революціи, по-прежнему, какъ главная сознательная носительница революціонныхъ интересовъ націи, и, какъ таковая, она, при тогдашнихъ условіяхъ, въ массѣ своей неизбежно тяготѣла къ пролетарскому или «трудовому» социализму. На Западѣ пролетаріатъ вовлекался въ политическую жизнь отчасти социалистическими выходцами изъ буржуазной среды, отчасти явными буржуазными радикалами. У насъ эту задачу выполняла только первая категория интеллигенціи, и потому, въ общемъ, она выполнялась въ Россіи болѣе безкорыстно.

Но это же имѣло и невыгодныя стороны. При всемъ своемъ безкорыстіи, при всей своей самоотверженности социалистическая интеллигенція въ массѣ не могла вытравить свою социальную природу. Поэтому оказалось, что въ 90-хъ годахъ подъ общимъ марксистскимъ флагомъ складывалась цѣлая новая формація будущихъ буржуазныхъ либераловъ, а въ 900-хъ г. г. подъ тѣмъ же марксистскимъ флагомъ скрывались тенденціи, подчасъ чисто радикально-демократическія. Исторія, такимъ образомъ, долго маскировала неизбежный процессъ политической дифференціаціи населенія, а это, съ одной стороны, замедляло высвобожденіе пролетаріата изъ-подъ непосредственнаго вліянія революціонной буржуазной демократіи, съ другой, осложняло необходимыя для успѣха революціи временныя и условныя коалиціи революціоннаго пролетаріата съ широкими и вліятельными слоями оппозиціонной буржуазіи. Россія не избѣгла иллюзіи, которая не мало

вреда принесла во Франціи и Германіи наканунѣ революціи 19 вѣка: у насъ, какъ и тамъ, почти все радикальное казалось социалистическимъ, и наоборотъ, всѣ элементы, чуждающіеся социализма, сваливались преждевременно въ одну сплошную реакціонную или контр-революціонную массу. Въ результатѣ получилось то, что хотя пролетаріатъ до 1905 года включительно и былъ центральной фигурой освободительнаго движенія, а марксизмъ наиболѣе вліятельнымъ революціоннымъ теченіемъ, однако, рабочая партія въ полномъ смыслѣ этого слова и до сихъ поръ не успѣла еще сложиться; рабочій же классъ, если и не былъ у насъ лишь боевой силой, какъ на Западѣ, *наканунѣ и во время* буржуазныхъ революцій, то и не проявилъ все же той степени сознательности и самостоятельности, которая давала бы право говорить о гегемоніи пролетаріата въ *истекшій періодъ*. Послѣ 1905 г. это положеніе начало быстро мѣняться. Сильно подвинувшаяся впередъ за время революціи и контр-революціи политическая дифференціація страны создала, наконецъ, съ этой стороны благоприятныя условія для болѣе всесторонняго классоваго самоопредѣленія пролетаріата и для организаціи массовой рабочей партіи; но за то пережитыя уже разъ острыя столкновенія пролетаріата съ буржуазіей въ будущемъ ставятъ относительно болѣе тѣсныя границы для воздѣйствія пролетаріата на другіе классы, хотя, конечно, при господствующемъ у насъ режимѣ до изолированности зап. европейскаго пролетаріата намъ еще очень и очень далеко.

Этимъ не ограничиваются препятствія, которыя исторія ставила практическому осуществленію первоначальныхъ схемъ русскаго марксизма. Та же безформенность и социально-политическая отсталость Россіи, о которой мы выше говорили, имѣла своимъ послѣдствіемъ бѣдность политической жизни страны въ предреволюціонную эпоху, несмотря на быстрое наростаніе революціоннаго настроенія. Эта бѣдность политической жизни не могла быть возмѣщена относительно благоприятными условіями для культурнаго подъема нашихъ «низовъ». Вслѣдствіе этого, въ соц.-демократическомъ движеніи минувшаго періода содержаніе агитаціи роковымъ образомъ отставало отъ содержанія пропаганды, и вся соц.-демократическая практика вообще отличалась въ значительной мѣрѣ элементарностью, упрощенностью и односторонностью, вопреки сложности задачъ, стоявшихъ передъ соц.-демократіей. На этой почвѣ въ 90-хъ г. г., въ періодъ промышленнаго подъема и слабыхъ зачатковъ политическаго оживленія, въ движеніи укрѣпился такъ наз. «экономизмъ», а въ слѣдующій періодъ промышленнаго кризиса, войны и кануна революціонныхъ бурь — такъ назыв. «большевизмъ», — два направленія, съ внѣшней стороны противоположныя, но тѣмъ не менѣе, по существу весьма родственныя: и то, и другое направленіе культивировали болѣе боевое настроеніе рабочихъ массъ, нежели ихъ политическую сознательность и самостоятельность, и то, и другое имѣли много общаго съ традиціоннымъ русскимъ бунтарствомъ...

Эти бѣглыя общія замѣчанія необходимо имѣть въ виду для правильной оцѣнки того направленія, которое принялъ русскій марксизмъ въ срединѣ 90 гг., когда онъ впервые изъ теоретическаго исповѣданія небольшой группы соц.-демократовъ превратился въ широкое общественное движеніе.

* * *

Двѣ очередныхъ задачи стояли въ то время передъ молодой русской соц.-демократіей: во 1-хъ, развить въ большомъ масштабѣ и съ открытой легальной трибуны ту идейную борьбу съ народничествомъ, которую до того велъ за рубежомъ Г. В. Плехановъ, и, такимъ образомъ, завоевать для марксизма тѣ важныя позиціи въ литературныхъ и вообще интеллигентныхъ кругахъ, которыми до того безраздѣльно владѣли народники; во 2-хъ, проложить для марксистовъ первые пути къ рабочимъ массамъ. Обѣ эти трудныя задачи съ успѣхомъ были выполнены соц.-демократическимъ поколѣніемъ 90-хъ гг., и въ этомъ его крупный активъ. Но подъ влияніемъ указанныхъ выше условий, подъ влияніемъ неоформленности политической жизни и замаскированности ея тенденцій, уже одно энергичное преслѣдованіе неотложныхъ задачъ сегодняшняго дня въ сознаніи девяностыхъ значительно суживало и упрощало и безъ того смутное, абстрактное представленіе о задачахъ ближайшаго будущаго и тѣмъ самымъ обрекало движеніе на скачки и зигзаги.

Русская марксистская мысль 90-хъ годовъ преимущественно работала въ плоскости «экономики» и недаромъ: въ «экономикѣ» лежалъ ключъ къ рѣшенію наиболѣе злободневныхъ вопросовъ русской политической жизни. Молодое поколѣніе марксистовъ девяностыхъ переживало еще разгаръ борьбы съ народнической самобытной теоріей экономическаго развитія Россіи. В. В., Ник—онъ и другіе народники доказывали, что капитализмъ, а стало быть, и рабочее движеніе, не можетъ въ Россіи развиваться, потому что онъ, разоривъ крестьянство, разрушаетъ свой собственный внутренній рынокъ, а новые внѣшніе рынки Россіи уже недоступны, при этомъ они ссылались на явобы марксистскую теорію кризисовъ, а въ дѣйствительности на теорію мелкобуржуазныхъ утопистовъ, вродѣ Сисмонди. Молодые марксисты 90-хъ г. г., Ильинъ (Ленинъ), Булгаковъ, Туганъ-Барановскій, Струве и др., продолжая нить разсужденій Плеханова въ рядѣ статей и специальныхъ изслѣдованій, опровергали и опровергли эти народнические предразсудки, но они въ пылу борьбы упростили вопросъ и, рѣшая его прямолинейно, доказывали больше, чѣмъ требовалось доказать.

Существуютъ «двѣ теоріи кризисовъ»... писалъ Ильинъ (Ленинъ) въ 1899 году. «Первая объясняетъ ихъ противорѣчіемъ между производствомъ и потребленіемъ рабочаго класса, а вторая...—противорѣчіемъ между общественнымъ характеромъ производства и частнымъ характеромъ присвоенія»..., т. е. «безпорядочнымъ производствомъ»¹⁾. Въмѣсто того, чтобы искать причину кризисовъ въ сочетаніи *обоихъ* указанныхъ противорѣчій, В. Ильинъ рѣшительно отвергаетъ связь между первымъ и кризисами²⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что вопросъ о внѣшнемъ рынкѣ не имѣетъ абсолютно ничего общаго съ вопросомъ о реализаціи³⁾ товаровъ въ капиталистическомъ обществѣ. В. Ильинъ,

¹⁾ См. В. Ильинъ: „Экономическіе этюды. Къ характеристикѣ эконом. романтизма“, стр. 30.

²⁾ Ibid., стр. 12, 15, 29.

³⁾ Ibid. стр. 26.

*

Булгаковъ, Т. Барановскій¹⁾—ссылались приэтомъ на теорію реализаціи, данную Марксомъ во 2-мъ томѣ Капитала. Однако, эти ссылки доказывали только, что всё они далеко еще не усвоили революціоннаго діалектискаго метода мышленія Маркса. Марксъ во 2-мъ томѣ Капитала въ извѣстныхъ «схемахъ» далъ лишь *статистику* обмѣна, *условія его равновѣсія*. Но специфическая задача Маркса вообще, какъ «критика политической экономіи», заключалась въ установленіи законовъ *экономической динамики*. Этихъ законовъ динамики обращенія капиталовъ Марксъ не далъ во 2-мъ томѣ по той простой причинѣ, что онъ, какъ извѣстно, не успѣлъ закончить свою работу. И если бы наши девяностники ввели въ условія равновѣсія обмѣна элементъ динамическій — послѣдовательное измѣненіе органическаго состава капитала и послѣдовательное увеличеніе нормы накопленія, — то они въ *самыхъ условіяхъ равновѣсія*²⁾ открыли бы причину, почему это логически *возможное* равновѣсіе въ капиталистическомъ обществѣ должно *фактически* осуществляться путемъ его нарушенія, путемъ кризисовъ, возникающихъ на почвѣ противорѣчій между *безграничнымъ* стремленіемъ къ накопленію, съ одной стороны, и *относительнымъ* сокращеніемъ потребленія рабочихъ массъ, съ другой. Анархія производства, которую признавали Ильинъ и его товарищи, есть только та *почва* товарнаго хозяйства, на которой, по мѣрѣ развитія капитализма, развивается противорѣчіе «между производствомъ и потребленіемъ». И именно послѣднее является *непосредственной* причиной обостренія классоваго антагонизма, оно же является *непосредственной* причиной кризисовъ, въ немъ ярче всего обнаруживается противорѣчіе между развитіемъ производительныхъ силъ и устарѣлыми имущественными отношеніями, ведущее къ крушенію капитализма. Тѣ, которые отрицаютъ противорѣчіе «между производствомъ и потребленіемъ», должны логически придти къ бернштейнсканской теоріи притушенія классовой борьбы и органическаго развитія къ социализму. И характерно, что даже Ильинъ, бывший и оставшійся ортодоксальнымъ марксистомъ, до этого уже почти договаривался въ указанной статьѣ: «чѣмъ быстрѣе ростъ богатства... *тѣмъ лучше положеніе рабочихъ*»³⁾, заявляетъ онъ, не оговариваясь, что оно часто лучше абсолютно, но всегда относительно хуже. «Чѣмъ дольше развивается это противорѣчіе (анархія производства А. М.), *тѣмъ легче выхоть изъ него*», говоритъ онъ тамъ же, не оговариваясь, что этотъ «легкій» выхоть заключается въ «тяжелыхъ катастрофахъ»... Девяностники очутились въ области теоріи на покатой плоскости. А между тѣмъ многіе изъ нихъ въ то время, и особенно В. Ильинъ, *сознательно* вовсе не стремились доказать смягченіе противорѣчій и классовой борьбы въ капиталистическомъ обществѣ. Напротивъ того, В. Ильинъ, напр., въ 95 году самъ критиковалъ Струве именно за эту оппортунистическую тенденцію⁴⁾.

¹⁾ См. Булгаковъ, „Теорія рынковъ“. Туг.-Барановскій, „Промышленные кризисы“.

²⁾ Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ здѣсь останавливаться на этомъ интересномъ вопросѣ.

³⁾ См. В. Ильинъ, „Эконом. этюды. Къ характеристикѣ экономич. романт.“, стр. 13, 33, 34.

⁴⁾ См. В. Ильинъ, „За 12 лѣтъ“, „Эконом. содержаніе народничества и критика его въ книгѣ г. Струве“.

Наши молодые марксисты 90-х годовъ сбились съ пути въ толкованіи марксистской теоріи кризисовъ исключительно потому, что имъ хотѣлось доказать *полную* независимость судебъ русскаго капиталистическаго производства отъ сокращенія крестьянскаго потребленія, отъ крестьянскаго раззоренія, о которомъ говорила народническая литература. Для защиты этого ложнаго, односторонняго взгляда Туг.-Барановскій, напр., въ своей «Фабрикѣ» привелъ діаграмму, якобы свидѣтельствующую о независимости русскихъ промышленныхъ кризисовъ отъ колебаній урожая. Но уже въ дебатахъ въ Вольно-Эконом. Обществѣ по поводу его доклада ему было указано Касперовымъ, что его же собственная діаграмма доказываетъ противоположное, а именно: въ 12 случаяхъ эта зависимость установлена, и лишь въ 8 случаяхъ ея не видно¹⁾.

Въ узкомъ, одностороннемъ пониманіи кореннаго соціального вопроса русской переходной эпохи—аграрнаго вопроса, острота котораго маскировалась промышленнымъ подъемомъ 90-хъ годовъ, лежитъ источникъ экономическихъ заблужденій тогдашняго поколѣнія марксистовъ. Оспаривая ложное утвержденіе народниковъ, что капитализмъ въ Россіи мертворожденный, наши марксисты пятидесятники, перегибая лукъ, почти устранили съ своего поля зрѣнія тѣ препятствія, которыя наша полукрѣпостническая обстановка ставитъ развитію капитализма, особенно въ деревнѣ. Тѣмъ самымъ въ ихъ представленіи суживался размахъ грядущаго русскаго переворота и затушевывался его радикальный соціальный характеръ. Г. Плехановъ и П. Аксельродъ, какъ мы уже говорили, въ 90-хъ гг. подчеркивали, что полукрѣпостническая соціально-политическая обстановка, въ которой развивается русскій капитализмъ, ведетъ къ тому, что крестьянство наше не только раскалывается, пролетаризируется, но въ значительной степени равномерно пауперизируется, нищаетъ. На почвѣ этого «всероссійскаго раззоренія» въ деревнѣ, рядомъ съ нарождающимся антагонизмомъ между батраками и сельской буржуазіей, долженъ былъ обостряться другой, старый антагонизмъ—между крестьянствомъ въ цѣломъ, между крестьянскимъ *сословіемъ*, и всѣмъ нашимъ крѣпостническимъ строемъ. Впослѣдствіи, въ 1903 г., П. Масловъ, въ своей книгѣ «Условія развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи» обстоятельно развилъ экономическую сторону этого вопроса. Онъ разработалъ съ марксистской точки зрѣнія теорію борьбы продовольственной и капиталистической ренты *въ обстановкѣ развитого товарнаго обращенія* Россіи. На основаніи этой теоріи онъ объяснилъ, почему въ Россіи, *благодаря расхищенію производительныхъ силъ* страны, въ огромныхъ районахъ, въ связи съ отсутствіемъ городского и отдаленностью иностраннаго рынка и съ низкими цѣнами на хлѣбъ (весь черноземный центръ), продолжительное крестьянское хозяйство *выживаетъ* въ борьбѣ съ капиталистическимъ цѣною общаго «уравнительнаго» упадка крестьянскаго хозяйства; онъ объяснилъ, почему въ этихъ районахъ рядомъ съ быстрой дифференціаціей *крестьянъ* происходитъ нищенская нивелировка крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства. Но въ 90-хъ гг. эти взгляды были чужды почти всѣмъ нашимъ молодымъ марксистамъ

1) См. Статистическіе итоги промышленнаго развитія Россіи. Докладъ члена Вол. Эк. Общ. Туг.-Барановскаго, и пренія. 1898 г., стр. 37 и др.

(за исключеніемъ отчасти П. Струве). Наши девяностники, вмѣсто того, чтобы дать марксистскую оцѣнку обнищанія крестьянъ (не смѣшивая съ пролетариатомъ) въ значительной части Россіи, просто отвергали этотъ фактъ. Лучше всего это можно прослѣдить на работахъ нашего главнаго теоретика аграрнаго вопроса 90-хъ гг., Ильина, книга котораго «Развитіе капитализма въ Россіи», при всѣхъ ея недостаткахъ, составила крупный вкладъ въ нашу экономическую литературу. Въ указанной выше статьѣ противъ Струве В. Ильинъ справедливо обвиняетъ Струве въ томъ, что тотъ въ своихъ «Критическихъ Замѣткахъ» затушевываетъ классовый антагонизмъ между зарождающимися въ деревнѣ пролетариатомъ и буржуазіей. Но приэтомъ онъ, въ противоположность Струве, самъ затушевываетъ другое противорѣчіе—между интересами капиталистическаго развитія въ цѣломъ и господствующими у насъ въ деревнѣ имущественными отношеніями. «Но г. Струве», пишетъ онъ иронически, «и тутъ не могъ обойтись безъ своего мальтузіанства; въ указанномъ процессѣ (въ развитіи классового антагонизма въ деревнѣ, А. М.), по его мнѣнію, выражается лишь *одна сторона* дѣла («только прогрессивная сторона»), рядомъ съ которой есть и другая: техническая нерациональность всего крестьянскаго хозяйства; въ ней выражается, такъ сказать, регрессивная сторона всего процесса», она «нивелируетъ» крестьянство, сглаживаетъ неравенство, дѣйствуя въ связи съ ростомъ населенія»¹⁾. На эту «другую сторону», отмѣченную П. Струве, Ильинъ, какъ и другіе марксисты—девяностники, систематически закрывали глаза. По поводу фразы Струве, что «во всякомъ случаѣ, недостаточное производство—основной, доминирующей фактъ нашего народнаго хозяйства», В. Ильинъ заявляетъ: «совершенно голословно»...: почему «основнымъ, доминирующимъ фактомъ» не является то, что крестьянство, какъ цѣлое, есть фикція, ибо (!) внутри его складываются враждебные классы»²⁾. Итакъ, Ильинъ объявляетъ «доминирующимъ фактомъ» для Россіи, задыхающейся еще въ полукрѣпостнической обстановкѣ, лишь ту борьбу съ капиталомъ, которая заполняетъ жизнь развитыхъ капиталистическихъ странъ, и, такимъ образомъ, однимъ росчеркомъ пера устраняетъ одну изъ главныхъ социальныхъ пружинъ русской буржуазной революціи. Правда, въ своей книгѣ «Развитіе капитализма въ Россіи», вышедшей въ 1899 г., такъ же впрочемъ, какъ и въ указанной статьѣ противъ Струве, Ильинъ говоритъ объ экономически реакціонной роли «остатковъ крѣпостничества» въ деревнѣ. Но онъ подъ этими остатками крѣпостничества понимаетъ не все крѣпостное наслѣдіе прошлаго, не всю совокупную національную обстановку русской жизни, тормозящую развитіе нашего капиталистическаго сельскаго хозяйства. Онъ видитъ проявленіе этихъ особенностей лишь въ частностяхъ, вродѣ «отработочной формы» аренды, которую онъ самъ же характеризуетъ, какъ нѣчто быстро преходящее, какъ естественную переходную стадію отъ барщиннаго помѣщичьяго хозяйства къ капиталистическому. Приэтомъ онъ констатируетъ, что въ помѣщичьемъ хозяйствѣ капиталистическая аренда уже теперь преобла-

1) См. В. Ильинъ, „За 12 лѣтъ“, стр. 107.

2) Ibid стр. 97, 98.

дасть надъ отработочной ¹⁾). Что же касается самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства, т. е. хозяйства крестьянъ на надѣльной и купчей землѣ, то онъ доказываетъ, что въ Россіи уже теперь *повсемѣстно* 20% крестьянскихъ дворовъ должны быть зачислены въ буржуазію, а 40% дворовъ пролетаризированы, причемъ онъ въ расчетахъ оперируетъ исключительно съ понятіемъ «крестьянскій дворъ», а между тѣмъ, какъ это было указано въ литературѣ, по общему правилу, богатые крестьянскіе дворы—многосемейны, а бѣдные—малосемейны, обстоятельство, которое можетъ внести болѣе или менѣе существенное измѣненіе въ экономическую картину, нарисованную Ильинымъ ²⁾.

Читатель видитъ, что Ильинъ, какъ и большинство девяностниковъ, плохо понималъ основное экономическое противорѣчіе современной Россіи. Отсюда, между прочимъ, должно было вытекать непониманіе специфическаго характера, которымъ должно было отличаться крестьянское движеніе, если бы оно разыгралось, и которымъ оно, какъ мы теперь знаемъ, дѣйствительно отличалось въ 1905 и 1906 годахъ.

Тутъ кстати будетъ указать на связь между этими взглядами и первой аграрной программой русской с.-демократіи, съ ея требованіемъ «возвращенія отрѣзковъ». Ленинъ былъ авторомъ проекта аграрнаго отдѣла программы 1902 г., этотъ проектъ въ значительно исправленномъ видѣ былъ принятъ всей старейшей коллегіей редакціи «Искры». Однако, члены «Гр. Осв. Труда», какъ мы увидимъ, при выработкѣ аграрной программы 1902 г., исходили изъ принципиально отличныхъ соображеній, чѣмъ Ленинъ. Какъ видно изъ комментарія Ленина къ аграрной программѣ, онъ въ 1902 г. уже до известной степени усвоилъ взглядъ Плеханова и Аксельрода на особенность историческаго положенія современнаго русскаго крестьянства, но только до известной степени. Мотивируя въ полемикѣ со мною и попутно съ Р. Люксембургъ требованіе возвращенія отрѣзковъ, Ленинъ писалъ въ 1902 г.: «наши крестьянскія требованія... должны быть сообразованы не съ тѣмъ, *достижимы* ли они при данномъ соотношеніи силъ, а съ тѣмъ, *совмѣстимы* ли они съ существующимъ общественнымъ строемъ и способно ли проведеніе ихъ облегчить классовую борьбу пролетаріата»; «такъ и въ крестьянскихъ требованіяхъ наше дѣло опредѣлить на основаніи научныхъ данныхъ—*максимумъ* (курсивъ Ленина) этихъ требованій» ³⁾. Итакъ, еще въ 1902 г. Ленинъ полагалъ, что возвращеніе крестьянамъ «отрѣзныхъ земель» есть максимумъ того, что можетъ быть завоевано революціей безъ нарушенія интересовъ общественнаго, т. е. при наличныхъ условіяхъ, капиталистическаго развитія и безъ нарушенія интересовъ классовой борьбы пролетаріата. Еще въ 1902 г. Ленинъ думалъ, стало быть, что полная экспроприація крупнаго земле-

¹⁾ См. В. Ильинъ, „Развитіе капитализма въ Россіи“.

²⁾ См. Н. Черненко, „Къ характеристикѣ крестьян. хозяйства“.

Если бы Ильинъ ввелъ въ расчетъ численный составъ крест. двора, то во 1) % буржуазіи получился бы меньшій, во 2) обнаружилось бы, что онъ подчасъ приписываетъ капит. характеръ такому хозяйству, которое носитъ еще всѣ слѣды старой семейной общины, находящейся въ процессѣ разложенія.

³⁾ См. Заря № 4, „Агр. прогр. рус. соц.-дем.“ Н. Ленина, стр. 63.

владѣнія была бы мѣрой экономически реакціонной въ Россіи). Принципіально иначе смотрѣла на значеніе требованія возвращенія отрѣзковъ «Группа Освоб. Труда». По мотивировкѣ Г. В. Плеханова, именно только «соотношеніе силъ» даннаго момента, т. е. тактическія соображенія—опасность контрр-революціонной коалиціи буржуазныхъ классовъ противъ радикальныхъ аграрныхъ требованій, при отсутствіи въ данное время дѣйствительно сильнаго крестьянскаго движенія для ихъ поддержки, обязывала социаль-демократію воздержаться отъ внесенія въ программу полной экспроприаціи. При благоприятномъ же измѣненіи соотношенія силъ и при развитіи революціоннаго движенія крестьянъ, онъ, Г. Плехановъ, считалъ возможнымъ и цѣлесообразнымъ расширить требованія вплоть до полной экспроприаціи, нисколько не опасаясь, что это повредитъ развитію капитализма. Приэтомъ онъ, сознательно не дѣлая въ то время изъ экспроприаціи боевого лозунга, въ то же время по-прежнему ²⁾ не скрывалъ своего взгляда на этотъ счетъ и, одновременно съ Ленинымъ, далъ въ «Зарѣ» свой комментарий къ аграрной программѣ, принципіально расходящейся съ Ленинскимъ.

Обостреніе противорѣчія между развивающимся капиталистическимъ производствомъ и отсталыми имущественными и правовыми отношеніями, противорѣчія, главный узелъ котораго завязанъ въ закабаленной деревнѣ— такова экономическая пружина нашей надвигающейся буржуазной революціи, говорили Г. Плехановъ и П. Аксельродъ въ 90-хъ гг. Но молодые соц.-демократы 90-хъ гг., какъ мы указывали выше, всей остроты этого противорѣчія не видѣли. Они не дооцѣнивали значенія аграрнаго вопроса въ Россіи, а съ этимъ логически связана была недооцѣнка размаха и общенациональнаго характера грядущей революціи. Именно закабаленность и обнищаніе деревни должны были при данныхъ условіяхъ, раньше или позже, революціонизировать крестьянъ, это же, тормозя развитіе капитализма, должно было раньше или позже увлечь и буржуазію на путь оппозиціи. Естественно, что съ односторонней оцѣнкой экономической дѣйствительности у девяностыхъ тѣсно связанъ былъ неправильный взглядъ ихъ на возможную революціонную роль разныхъ общественныхъ классовъ въ Россіи.

На Лондонскій интернаціональный социалистическій конгрессъ 1896 г. русскіе социаль-демократы, делегированные десятью городами, представили привезенный изъ Россіи докладъ о нашемъ рабочемъ движеніи съ приложеніемъ— «Аграрный вопросъ и социальная демократія въ Россіи». Въ этомъ оффиціальномъ документѣ, въ «Приложеніи» къ доводу делегациі, мы читаемъ: «Аграрный вопросъ и практическое отношеніе къ нему становится настоящимъ дѣломъ для социаль-демократіи, когда промышленное населеніе, этотъ историческій носитель рабочаго социализма, является уже насыщеннымъ социалистическими

1) Долженъ сказать pro domo sua, что у меня лично, подъ влияніемъ той же марксистской литературы 90-хъ годовъ, въ то время „неосновательныя опасенія“ шли еще гораздо дальше. Впрочемъ, нашу самобытную теорію кризисовъ я и тогда уже рѣзко осудилъ въ статьѣ, которая по случайнымъ причинамъ не появилась въ печати.

2) См. Г. Плехановъ, „Социализмъ и полит. борьба“ и его же „О задачахъ соц. въ борьбѣ съ голодомъ“.

идеями. Мы же переживаемъ еще самое начало движенія, когда идеѣ классовой борьбы предстоитъ еще завоевать большинство населенія, занятаго въ крупной промышленности» ¹).

Читатель видитъ изъ этихъ словъ, что молодые социаль-демократы 90-хъ гг. отождествляли аграрный вопросъ въ Россіи и на Западѣ, что они не видѣли его особенностей у насъ въ странѣ, находящейся еще наканунѣ буржуазной революціи, и, соотвѣтственно этому, отирачивали «настоятельность» самой постановки его до кануна социалистической революціи. Неудивительно потому, что приведенный «докладъ» приходитъ къ весьма тощимъ практическимъ выводамъ въ этой борьбѣ: «задача ея (русской социаль-демократіи) въ этой области (аграрныхъ отношеній) сводится, главнымъ образомъ, къ борьбѣ противъ реакціонныхъ поповъ, имѣющихъ цѣлью задержать ростъ силы пролетаріата» ²).

То же недостаточное пониманіе исторической особенности нашего положенія обнаруживаетъ другой, еще болѣе оффиціальныи с.-дем. документъ того времени, — «Манифестъ Россійской Соц.-дем. Раб. Партіи», изданный въ 1898 г. «Манифестъ» говоритъ: «чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ въ политическомъ отношеніи слабѣе, трусливѣе и подлѣе становится буржуазія, тѣмъ большія культурныя, политическія задачи выпадаютъ на долю пролетаріата. На своихъ крѣпкихъ плечахъ русскій рабочій классъ долженъ вынести и вынесетъ дѣло завоеванія политической свободы». Манифестъ устанавливаетъ поверхностный эмпирическій законъ. Онъ принимаетъ во вниманіе лишь то, что на буржуазію въ запоздалыхъ восточныхъ революціяхъ *реакціонно* дѣйствуетъ развитое социалистическое движеніе пролетаріата на западѣ. Онъ не принимаетъ во вниманіе, что на нее *революціонно* дѣйствуетъ развитой деспотизмъ и крѣпостничество на Востокѣ. Поэтому онъ совершенно отождествляетъ судьбы либерализма въ современной Россіи наканунѣ революціи съ его судьбами въ современномъ Западѣ послѣ революціи, поэтому же онъ не только не задается вопросомъ объ отношеніи пролетаріата къ будущему оппозиціонному и революціонному движенію тѣхъ или другихъ буржуазныхъ элементовъ общества; онъ, вообще, объ этомъ движеніи ни словомъ не упоминаетъ и изображаетъ предстоящую революціонную борьбу пролетаріата, какъ совершенно *изолированную*.

Логически политическіе взгляды девяностниковъ вытекали изъ ихъ экономическаго анализа русской дѣйствительности. *Фактически*, конечно, на самомъ этомъ анализѣ отразилась лишь социально-политическая обстановка нашего движенія въ 90-хъ годахъ, — во-первыхъ, самый промышленный подъемъ, связанный съ быстрыми успѣхами капитализма; во-вторыхъ, еще полное почти въ то время отсутствіе политически дифференцированныхъ непролетарскихъ теченій въ освободительномъ лагерѣ. Неизбѣжное возникновеніе наканунѣ революціи разныхъ самостоятельныхъ политическихъ движеній въ непролетарскихъ классахъ маскировалось тѣмъ, что въ Россіи, благодаря отсталости общественныхъ отношеній, эта дифференціація обнаружилась первоначально не въ движеніи самихъ этихъ классовъ, а въ движеніи ихъ идеологовъ, въ движеніи

¹ См. Докладъ рус. соц.-дем. междунар. раб. социал. конгр. въ Лондонѣ въ 1896 г. Изданіе „Союза Русск. соц.-дем.“ стр. 29.

² См. тамъ же, стр. 32.

интеллигенці; въ 90-хъ же годахъ даже и въ интеллигенціи еще мирно сосуществовали подъ общимъ флагомъ будущіе либералы и соц.-демократы. Чтобы при такихъ условіяхъ уже въ то время открыть зачатки этой дифференціаціи, необходимо было оцѣнить правильно роль интеллигенціи въ русской политической жизни и зорко слѣдить за совершающимися въ ней молекулярными процессами. Но тогдашнее поколѣніе марксистовъ изъ реакціи противъ народниковъ вмѣсто того, чтобы матеріалистически объяснить «роль личности» въ исторіи, склонно было ее просто игнорировать и, соотвѣтственно этому, разсматривать интеллигенцію, какъ ничтожную величину, какъ *quantité negligible* ¹⁾.

И въ то время были, конечно, исключенія. Такъ, напр., А. Потресовъ въ статьѣ, написанной въ дополненіе къ статьѣ В. Ильина—«Отъ какого наследства мы отказываемся», описываетъ самостоятельныя судьбы русской «разночинной интеллигенціи», характеризующіяся тремя чертами—отщепенствомъ, свободолобіемъ и потребностью найти точку опоры въ массахъ. Въ этой статьѣ онъ показываетъ, что старая вражда между «свистунами» 60-хъ годовъ (Добролюбовъ и Чернышевскій) и либералами послѣ голода 1891 г. возродилась, при измѣнившихся историческихъ условіяхъ, въ новой формѣ борьбы между марксистами и народниками, причемъ народники нашли себѣ теперь новую социальную базу и превратились по существу въ либераловъ; марксисты же укрѣпились въ покинутой народниками социальной средѣ разночинцевъ и связались съ новымъ «общественнымъ элементомъ» (т. е. съ пролетаріатомъ). Эта борьба, говоритъ авторъ, конечно, способна нарушить «добрыя сосѣдскія отношенія и ослабить силу совмѣстнаго и дружнаго... бездѣйствія», о которомъ мечтаетъ Южаковъ и К^о, но она же создаетъ почву для дѣлсообразныхъ «совмѣстныхъ дѣйствій», при которыхъ можно будетъ, «не пряча въ карманъ своихъ идеаловъ, поставить дѣло, такъ сказать, на дѣловую почву, безъ сентиментальностей и безплодныхъ заигрываній...» ²⁾. Это писалъ А. Потресовъ въ 1899 г. Но, повторяемъ, въ 90-хъ годахъ такіа разсужденія были исключеніемъ, подтверждающимъ лишь общее правило. Характернымъ для этого времени и особенно для середины 90-хъ годовъ были не эти взгляды, а тѣ, которые красной нитью проходили почти черезъ всѣ статьи тогдашняго марксистскаго органа «Новое Слово» и которые формулированы были въ приведенныхъ выше партійныхъ документахъ. По прони судьбы тотъ самый П. Струве, который впоследствии положилъ начало либеральной партіи, какъ человекъ, особенно чувствительно отражающій вѣянія времени, въ 1897 г. былъ яркимъ выразителемъ теоріи изолированія борьбы пролетаріата. Именно онъ былъ авторомъ цитированнаго «Доклада», онъ же былъ авторомъ «Манифеста» 1898 года, наконецъ, онъ же въ 1897 году въ «Работникѣ» подъ псевдонимомъ «Петербуржецъ» писалъ: «Русское рабочее движеніе, проникнутое соц.-демократическими идеями, будетъ главнѣйшей силой, которая своимъ непрерывнымъ развитіемъ низвергнетъ существующій въ Россіи политическій строй. . Рабочій классъ въ Россіи есть единственный революціонный

¹⁾ См., напр., П. Струве «Критическія замѣтки».

²⁾ См. А. Потресовъ. О «наследствѣ» и «наследникахъ», «Этюды о рус. интел.» стр. 74, 89, 100, 105, 108.

классъ...»¹⁾. Эти слова сами по себѣ могли бы быть разнo истолкованы. Но дѣйствительно скрывающаяся въ нихъ тенденція станетъ очевидна, если ихъ сопоставить, съ одной стороны, съ «Манифестомъ» и «Докладомъ», съ другой, съ практикой соц.-демократовъ конца 90-хъ годовъ.

*
*
*

Изъ теоретическихъ посылокъ молодыхъ марксистовъ середины 90-хъ годовъ, изъ недостаточнаго пониманія основного экономического противорѣчія современной Россіи логически вытекала практика такъ называемаго «экономизма». Распространеніе экономизма находилось въ связи съ переходомъ соц.-демократіи отъ кружковой пропаганды къ массовой агитаціи, и задатки этого направленія имѣлись уже въ извѣстной брошюрѣ «Объ агитаціи», которая сыграла большую роль, какъ руководство въ новомъ дѣлѣ агитаціи среди широкихъ массъ. Условія, при которыхъ въ то время приходилось вести массовую агитацію, несомнѣнно весьма предрасполагали къ «экономизму». Однако, само по себѣ приспособленіе соц.-демократіи въ обстановкѣ 90-хъ годовъ къ условіямъ массовой агитаціи и въ то время не могло бы привести къ возведенію «экономизма» въ принципъ и къ суженію соц.-демократическихъ задачъ, если бы соц.-демократическіе агитаторы отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что при данныхъ русскихъ условіяхъ оживленіе рабочаго движенія неизбежно должно будетъ привести раньше или позже къ нарастанію оппозиціоннаго или революціоннаго настроенія въ другихъ классахъ, что этотъ подъемъ общественнаго настроенія дастъ неизбежно толчекъ и политическому самоопредѣленію этихъ классовъ, съ которыми рабочей партіи очень скоро придется считаться, какъ съ соратниками или соперниками, и что совокупное дѣйствіе этихъ силъ вызоветъ общенациональную революцію. Но именно эта перспектива плохо вязалась со всѣмъ тѣмъ, что говорилось въ произведеніяхъ молодыхъ марксистскихъ теоретиковъ середины 90-хъ гг., представлявшихъ себѣ борьбу русскаго пролетаріата почти совершенно изолированной.

Было бы, конечно, неосновательно возлагать отвѣтственность за крайности практики такъ назыв. «экономизма» непосредственно и всецѣло на молодыхъ теоретиковъ середины 90-хъ годовъ. Нѣкоторые изъ этихъ теоретиковъ, особенно тѣ, которые стояли во главѣ движенія въ слѣдующій «искровскій» періодъ, уже тогда, въ 90-хъ годахъ, янѣ понимали политическое положеніе и шире ставили задачи соц.-демократіи, нежели большинство соц.-демократовъ того времени²⁾. Мы сошлемся, наиримѣръ, на два документа—на брошюру Л. Мартова «Современная Россія», написанную въ 1897 г. и изданную въ 1898 г., и на написанную въ то же время брошюру Н. Ленина «Задачи русскихъ соц.-демокра-

¹⁾ См. Петербуржецъ. „По поводу петерб. стачки“, „Работникъ“ № 3 и 4, 1897 г.

²⁾ И въ послѣдней редакціонной коллегіи заграничнаго органа „Рабочее Дѣло“, въ общемъ точно отражавшаго уровень развитія движенія 90-хъ годовъ, не всѣ удовлетворялись этимъ уровнемъ: См. статью Мартынова „Очередные вопросы“, направленную противъ „теоріи стадій“ и противъ „теоріи завоеванія частичныхъ правъ“, „Рабочее Дѣло“ № 9.

товъ». Л. Мартовъ въ упомянутой брошюрѣ даетъ конкретный анализъ политическаго положенія Россіи въ царствованіе Александра III и Николая II. Анализъ въ той части, которая касается эпохи 90-хъ годовъ, почти совершенно совпадаетъ съ анализомъ, сдѣланнымъ П. Аксельродомъ въ 90-хъ гг. Но тѣмъ не менѣе авторъ изъ этого анализа не дѣлаетъ тѣхъ практическихъ выводовъ, къ которымъ пришелъ П. Аксельродъ, и, говоря о задачахъ агитаціи среди рабочихъ, не указываетъ еще на необходимость выдвигать именно тѣ вопросы, въ которыхъ скрещиваются интересы разныхъ классовъ ¹⁾. Съ другой стороны, Н. Ленинъ въ упомянутой брошюрѣ выдвигаетъ въ большей или меньшей степени именно эти агитаціонныя задачи, говоритъ о пролетаріатѣ, какъ о «передовомъ борцѣ русской демократіи», говоритъ о работѣ надъ образованіемъ «единой соц.-демократической рабочей партіи» и т. д. Но авторъ этой брошюры, написавшій ее въ защиту русской соц.-демократіи отъ нападокъ народовольцевъ и народоуправцевъ, излагаетъ задачи соц.-демократіи такъ абстрактно, схематично, безъ связи съ конкретной политической обстановкой, что впоследствии, въ 1900 г., редакція «Рабочаго Дѣла», отрицавшая господство «экономизма», въ спорѣ съ П. Аксельродомъ нашла возможнымъ сослаться на эту брошюру въ доказательство того, что, вопреки мнѣнію П. Аксельрода, изложенному въ предисловіи къ брошюрѣ, она описываетъ *фактическое* состояніе соц.-демократіи конца 90-хъ гг. и что программа «Рабочаго Дѣла» цѣликомъ совпадаетъ съ сущію брошюры «Задачи» ²⁾. Вообще же говоря, не эти взгляды отдѣльныхъ единицъ, въ которыхъ къ тому же не было еще стройной логической связи между политическимъ анализомъ и постановкой фактическихъ задачъ, были характерны для середины 90-хъ годовъ. Неизмѣримо больше вліянія оказали на тогдашнее марксистское поколѣніе тѣ экономическія статьи и изслѣдованія В. Ильина-Ленина и другихъ молодыхъ теоретиковъ того времени, о которыхъ мы раньше говорили. Въ этихъ же изслѣдованіяхъ заключались несомнѣнно уже многія существенныя предпосылки для практики такъ наз. «экономизма».

Въ самомъ дѣлѣ: если правъ былъ Ленинъ, когда онъ въ 1895 г. утверждалъ, что у насъ уже теперь «основнымъ, доминирующимъ фактомъ является то, что крестьянство, какъ цѣлое, есть фикція»; если онъ былъ правъ, когда на всѣ лады доказывалъ, что у насъ уже теперь «основнымъ, доминирующимъ фактомъ» является антагонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазіей; если вѣрны были соотвѣтствующіе этому взгляды составителей доклада на лондонскій интернаціональный съѣздъ и вдохновителей автора Манифеста 1898 г., то очевидно, что и полицейская защита и финансовое покровительство, оказываемыя правительствомъ капиталистамъ, должны были, по аналогіи съ Западомъ, казаться проявленіемъ непосредственнаго политическаго господства буржуазіи, какъ класса. Если вѣрны были эти взгляды, то у насъ такъ же, какъ и на Западѣ, движущія силы революціонной борьбы пролетаріата лежатъ цѣликомъ въ сферѣ его антагонизма съ капиталистической буржуазіей и совершенно не коренятся въ

¹⁾ См. „Соврем. Россія“ 1898 г. гл. II „Либерализмъ и демокр. оппозиція“ и гл. V „Полит. значеніе рус. раб. движенія“.

²⁾ См. Н. Ленинъ „Задачи рус. соц.-демократовъ“, съ предисл. П. Аксельрода и „Отвѣтъ ред. „Раб. Дѣла“ на письмо П. Аксельрода“.

общенациональномъ антагонизмѣ со старымъ порядкомъ. Отсюда иллюзія, что борьба рабочихъ съ непосредственными эксплуататорами-предпринимателями и съ защищающей ихъ полиціей есть уже политическая борьба въ широкомъ смыслѣ слова. Отсюда пресловутая «теорія стадій», признававшая борьбу съ предпринимателями единственной школой политической борьбы. Отсюда и пресловутая теорія завоеванія «частичныхъ правъ», предполагавшая, что пролетаріатъ будетъ бороться всегда въ политически безвоздушномъ пространствѣ, что онъ самъ и для себя завоюетъ постепенно одно право за другимъ въ борьбѣ съ соединенными силами правительства и капиталистической буржуазіи.

* * *

Соціалдемократы 90-хъ гг., при всей односторонности своихъ взглядовъ, сдѣлали большое историческое дѣло. Ихъ дружный натискъ на народниковъ вынудилъ послѣднихъ къ отступленію по всей линіи, послѣдствіемъ чего было привлеченіе вниманія всей демократической интеллигенціи къ пролетариату; дѣятельность же соц.-демократовъ практиковъ вовлекла впервые широкія рабочія массы въ движеніе. Тотъ фактъ, что классъ-освободитель выступилъ, наконецъ, на историческую сцену, окрыляя своимъ выступленіемъ надежды всѣхъ передовыхъ людей Россіи, былъ въ немалой степени результатомъ побѣдоносной борьбы марксизма 90-хъ гг. съ народничествомъ. Предвидя этотъ результатъ,—выходъ изъ политическаго тупика,—многіе, по своей тенденціи, чисто либеральные элементы интеллигенціи стали на сторону марксизма и подъ его знамя съ того самаго момента, какъ указанная борьба загорѣлась на страницахъ нашей легальной прессы, т. е. съ середины 90-хъ гг. Будущіе «освобожденцы» и кадеты—Струве, Туганъ-Барановскій, Булгаковъ, Бердяевъ, Изгоевъ, Богучарскій, отчасти Милуновъ и другіе выступали въ то время открыто съ защитой марксизма или подъ его флагомъ, а въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ велись марксистскіе дебаты подъ предсѣдательствомъ и покровительствомъ не кого иного, какъ гр. Гейдена. Хотя въ этомъ общемъ хорѣ будущіе буржуазные либералы уже и въ то время всегда подчеркивали больше неизбѣжность капиталистическаго развитія Россіи и необходимость ея европеизаціи, а соц.-демократы—необходимость развитія классовой борьбы, тѣмъ не менѣе, это не вносило дисгармоніи въ хоръ, и участники его въ теченіе нѣкотораго времени не сознавали необходимости размежевываться. По крайней мѣрѣ, въ журналѣ «Новое Слово» хоръ постепенно вполне спѣлся ¹⁾.

Сосуществованіе скрытыхъ буржуазныхъ либераловъ и соц.-демократовъ подъ общимъ марксистскимъ флагомъ оказалось возможнымъ потому, что задачи, какъ онѣ ставились въ то время обѣими сторонами, хотя и не вполне сходились, тѣмъ не менѣе ни въ одномъ пунктѣ еще враждебно не сталкивались. Молодые соц.-демократы девяностыяники, правда, выдвигали на первый планъ,

¹⁾ Первоначальныя апологетическія ноты въ оцѣнкѣ капитализма у П. Струве, Тугана-Барановскаго и другихъ, одно время почти исчезли подъ вліяніемъ критики Тулина (Ленинъ) и „самарцевъ“ (Н. Масловъ, Гвоздевъ и Санинъ) и еще больше подъ вліяніемъ роста рабочаго движенія, и книга, напр., Туг.-Барановскаго „Фабрика“ давала практикамъ богатый агитационный матеріалъ.

наряду съ борьбой противъ политическаго безправія, борьбу съ капиталистами но цѣли буржуазіи, какъ класса, идутъ гораздо дальше цѣли непосредственной эксплуатаціи, преслѣдуемой предпринимателями; о предстоящемъ же *политическомъ* самоопредѣленіи буржуазіи подъ флагомъ либерализма и о необходимости *политической* борьбы съ буржуазіей, какъ съ классомъ, за вліяніе на ходъ и исходъ революціи соц.-демократы девяностидесятники, какъ мы видѣли, и не задумывались еще. И политическія надежды ихъ тоже не шли дальше либеральныхъ: «Русская соц.-демократія вообще чужда вѣры въ политическія чудеса, и, въ частности, она не вѣритъ въ полную демократизацію русскихъ государственныхъ учрежденій въ ближайшемъ будущемъ», говорилъ, напр., ихъ докладъ на лондонскій интернаціональный конгрессъ въ 1896 г. Съ другой стороны, и либерализмъ не имѣлъ никакихъ основаній еще непосредственно опасаться тѣхъ элементарныхъ формъ, которыя тогда стихійно принимало рабочее движеніе, и тѣхъ методовъ воздѣйствія на рабочихъ, къ которымъ въ то время прибѣгали практики соц.-демократы. Напротивъ того, либерализмъ инстинктивно чувствовалъ, что на этой стадіи развитія рабочее движеніе является, между прочимъ, необходимой предпосылкой его собственнаго возрожденія.

Однако положеніе это было весьма не прочно. Марксизмъ привлекалъ Струве и его единомышленниковъ только извѣстными своими сторонами. Но теорія эта, служа имъ незамѣнимымъ оружіемъ въ борьбѣ съ народничествомъ, въ то же время связывала и обязывала ихъ. Поэтому, когда народничество оказалось побѣжденнымъ и когда, векорѣ послѣ того, обнаружались первые признаки оживленія въ буржуазной интеллигенціи подъ косвеннымъ вліяніемъ рабочаго движенія, Струве и его единомышленники, нащупавши почву для возрожденія либерализма, торопливо начали высвобождаться изъ марксистскаго плѣна и сбрасывать съ себя оковы нетерпимой и «узкой» марксовою догмы. Наступила эра русской «критики» Маркса, которая по времени нѣсколько предупредила бернштейнское теченіе на Западѣ, затѣмъ короткое время шла съ нимъ въ ногу, но скоро оставила его далеко позади себя, не вызывая уже ни въ комъ сомнѣнія въ ея буржуазной соціальной подкладкѣ. Впрочемъ, уже съ первыхъ своихъ шаговъ эта «критика» лишь слегка видоизмѣняла и комбинировала положенія, защищавшіяся новѣйшими представителями зап.-европейской буржуазной мысли, Brentano, Рилемъ, Виндельбандомъ, Зомбартомъ, Зиммелемъ, Штамлеромъ и др.

Уже въ 1894 г. въ своихъ «Критическихъ замѣткахъ» П. Струве оговаривался, что онъ не ортодоксальный марксистъ; уже тогда онъ въ робкой формѣ пытался «дополнить» марксизмъ философскимъ критицизмомъ, вносилъ мальтузіанскія поправки въ марксову теорію народонаселенія и усиленно выдвигалъ на первый планъ національно-культурныя задачи, затушевывая въ то же время классовыя задачи пролетаріата. Но эти зачатки «критики» марксизма, встрѣтившіе съ самаго начала отпоръ въ статьѣ Тулина (Ленина), по-своему тоже, впрочемъ, весьма однобокой, получили дальнѣйшее развитіе лишь отчасти въ 1897 г., особенно же въ 1899 г. Въ 1897 г. Струве помѣщаетъ въ «Вопросахъ философіи и психологіи» статью—«Свобода и историческая необходимость», направленную противъ матеріализма и въ защиту кантіанскаго крити-

цизма. Въ этомъ же году онъ въ статьѣ о цюрихскомъ конгрессѣ по вопросамъ охраны рабочихъ, помѣщенной въ «Новомъ Словѣ», констатируетъ фактическій, якобы, отказъ современнаго социализма отъ теоріи революціонныхъ катастрофъ. Затѣмъ въ 1899 г. онъ въ статьѣ, помѣщенной въ Braun's Archiv, подвергаетъ рѣшительной критикѣ взглядъ Маркса на социальную революцію. Черезъ годъ П. Струве вмѣстѣ съ Тугань-Барановскимъ подвергаетъ критикѣ марксову теорію стоимости въ статьѣ «Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности». Одновременно онъ въ предисловіи къ книгѣ Бердяева выступаетъ впервые на защиту метафизики. Вслѣдъ за Струве эволюцію въ томъ же направленіи продолжаютъ его единомышленники. Въ 1900 г. Бердяевъ выпускаетъ свою книгу «Субъективизмъ и индивидуализмъ», въ которой онъ развиваетъ свое новое profession de foi. Въ томъ же году Булгаковъ выпускаетъ свое сочиненіе «Капитализмъ и земледѣліе», въ которомъ онъ вслѣдъ за ревизионистомъ Герцемъ, опровергаетъ марксову теорію аграрной эволюціи. Наконецъ, въ 1902 г. появляется боевой сборникъ «Проблемы идеализма», въ которомъ бывшіе марксисты окончательно отряхаютъ прахъ отъ ногъ своихъ.

Критика марксизма шла у насъ, какъ и на Западѣ, параллельно двумя путями: съ одной стороны, борьба велась въ плоскости философіи, противъ «догматическаго» матеріализма, во имя «критическаго» идеализма и закончилась капитуляціей передъ религіей и метафизикой. Съ другой, она велась противъ «ошибокъ» социальнo-политическаго ученія Маркса, противъ теоріи обостренія классовыхъ противорѣчій, противъ теоріи социальной революціи, расширяясь постепенно въ борьбу противъ «деспотизма» демократіи во имя свободы личности и правъ человѣка. Обѣ стороны «критики» находились, конечно, въ тѣснѣйшей связи и взаимно дополняли другъ друга.

Въ своей статьѣ «Свобода и историческая необходимость» П. Струве заявляетъ, что «послѣ Канта тщетны всѣ попытки объединить свободу и необходимость въ одномъ высшемъ началѣ». Стараясь затѣмъ опредѣлить сферу компетенціи свободы, онъ предварительно отождествляетъ бытіе съ мышленіемъ, «ибо мышленіе бытія равносильно бытію мышленія» и, такимъ образомъ, лишаетъ оцѣнку нашей свободной дѣятельности всякаго объективнаго критерія, взятаго изъ дѣйствительности, изъ объективнаго «бытія». Чѣмъ же отличается царство свободы и долженствованія отъ царства бытія и необходимости? Тѣмъ же, чѣмъ, якобы, отличается субъективное отъ объективнаго—не по содержанію, а количественно, по степени «связности и прочности элементовъ (опредѣленіе Зиммеля). Свобода и долженствованіе есть, такимъ образомъ, то же бытіе, но не связанное, непрочное, призрачное бытіе, «состояніе между небытіемъ и бытіемъ»¹⁾. Этотъ выводъ имѣлъ для Струве ту высокую «идеалистическую» цѣнность, что онъ превращалъ будущій социалистическій строй, къ осуществленію котораго онъ «свободно» стремился, изъ чего-то неизбѣжнаго въ неразрѣшенную «проблему», въ призракъ, въ «состояніе между бытіемъ и небытіемъ». Въ своемъ предисловіи къ книгѣ Бердяева Струве дѣлаетъ еще шагъ впередъ въ этомъ напра-

¹⁾ См. П. Струве. „На разныя темы“ (1893—1901 гг.). Сборникъ статей, стр. 488, 493, 494.

вленіи. Чтобы окончательно скинуть съ себя стѣснительныя узы дѣйствительности, онъ заявляетъ уже тамъ, что «носителемъ свободы является духовная одухотворенная субстанція» и что «наша позитивная теорія познанія... съ полной ясностью обнаруживаетъ ограниченность позитивизма и необходимость метафизики» ¹⁾.

Параллельно съ тѣмъ, какъ П. Струве въ области философіи подвигался назадъ отъ матеріализма черезъ «критическій позитивизмъ» къ «метафизическому идеализму», онъ, въ области политики, отъ точки зрѣнія классовой борьбы постепенно переходилъ къ точкѣ зрѣнія «соціального мира». Уже въ 97 г. онъ, на основаніи своихъ наблюденій на Цюрихскомъ конгрессѣ, утверждаетъ: «Все болѣе и болѣе распространяется и врѣняетъ убѣжденіе, что соціальныя реформы вовсе не представляютъ изъ себя жалкаго штопанія, а, наоборотъ, являются лишь звеньями въ той органической цѣпи формъ, которая ведетъ отъ одной общественно-политической формации къ другой» ²⁾. Въ 99 г. въ своей статьѣ въ Braun's Archiv'ѣ онъ не только констатируетъ фактъ притупленія классовыхъ противорѣчій, но доказываетъ невозможность ихъ обостренія, невозможность соціальной революціи, ибо это понятіе противорѣчитъ-де логическому «закону непрерывности». Въ 1900 же году въ статьѣ объ «Антиноміяхъ» онъ доказываетъ, что цѣнность создается не только трудомъ, но и капиталомъ, и тѣмъ самымъ опровергаетъ самую наличность принудительнаго антагонизма между пролетаріатомъ и буржуазіей.

Въ томъ же направленіи, какъ П. Струве, хотя и другими тропинками, подвигается Н. Бердяевъ. Въ своей книгѣ—«Субъективизмъ и индивидуализмъ», направленной формально противъ Н. Михайловскаго, онъ ставитъ себѣ цѣлью соединить «марксовскій соціальный монизмъ» съ «кантовскимъ философскимъ критицизмомъ» ³⁾. Весь историческій процессъ съ его развитіемъ производительныхъ силъ, съ его классовой борьбой и классовыми идеалами, а заодно и всѣ законы «историческаго матеріализма» Бердяевъ относитъ всецѣло къ области *психологии*, «черпающей все свое содержаніе изъ опыта» ⁴⁾. Все это, по его словамъ, имѣетъ лишь эмпирическую, относительную, «субъективную» цѣнность». Поэтому онъ считаетъ необходимымъ «соціальный монизмъ» Маркса, какъ мы видѣли, совершенно не матеріалистически имъ понятый, дополнить трансцендентальной философіей Канта, которая одна лишь даетъ намъ апріорную, общеобязательную и абсолютную истину и абсолютныя, общеобязательныя этические нормы. Къ счастью для теоріи Маркса, Бердяевъ въ этой книгѣ не усматриваетъ противорѣчія между эмпирическимъ міромъ, который, по его мнѣнію, есть царство свободы, подлежащее вѣдѣнію Маркса, и трансцендентальнымъ міромъ, царствомъ необходимости, подлежащимъ вѣдѣнію Канта, ибо историческій прогрессъ, носителемъ котораго является прогрессивный классъ, стремится приблизиться къ абсолютной истинѣ и абсолютной справедливости, порукой чему служить «нравственный міропорядокъ, постулируемый нашимъ практическимъ разумомъ» ⁵⁾.

¹⁾ См. Н. Бердяевъ. „Субъективизмъ и индивидуализмъ“, стр. XXXII, LI.

²⁾ См. И. Струве. „На разные темы“, стр. 414, 415.

³⁾ См. Н. Бердяевъ. „Субъективизмъ и индивидуализмъ“, стр. 19.

⁴⁾ Ibid., стр. 85, 86, 21.

⁵⁾ Ibid., стр. 48, 75, 106.

Однако Бердяевъ, объявившій законы историческаго развитія законами чисто-психологическими и поднявшійся надъ эмпирической исторіей въ область трансцендентальную, очень много въ этой земной исторіи сталъ недоглядывать. Такъ, онъ уже въ этой книгѣ объявляетъ «теорію катастрофъ» нелѣпостью, отмѣчаетъ необходимость подвергнуть теорію цѣнности Маркса «глубокой переработкѣ», «окончательно» провозглашаетъ девизъ—«тѣмъ лучше, тѣмъ лучше», и заявляетъ съ чувствомъ самоудовлетворенія: «Поправки, создаваемые самимъ капиталистическимъ развитіемъ, до тѣхъ поръ будутъ штопать дыры существующаго общества, пока вся общественная жизнь не сдѣлается сплошь новой»¹⁾. То же суверенное пренебреженіе къ «грубому» эмпирическому міру побуждаетъ Бердяева пѣть дифирамбы сверхчеловѣку Ничше и восхвалять новѣйшія «декадентскія» теченія въ искусствѣ, которыя «выражаютъ необыкновенную душевную утонченность»²⁾.

На этомъ эволюція Н. Бердяева не заканчивается. Черезъ два года въ статьѣ—«Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма» онъ подымается еще на большую трансцендентальную высоту и, соотвѣтственно съ этимъ, для него обезцѣниваются не только социалистическія, но и многія общедемократическія цѣнности. Въ этой статьѣ онъ уже опредѣленно становится на точку зрѣнія метафизики и религіи («этическаго пантеизма»): «Метафизика», говоритъ онъ,— «къ которой этика неизбѣжно приводитъ, объединяетъ въ понятіи Верховнаго Блага индивидуальное духовное «я» съ универсальнымъ духовнымъ «я». Что же послѣ этого объединенія стало съ духовнымъ «я» Н. Бердяева? Оно прежде всего обрушивается на эвдемонизмъ, на «погоню за счастьемъ»: «Нравственность», говоритъ Н. Бердяевъ, «нельзя выводить изъ такихъ не этическихъ понятій, какъ удовольствіе или счастье; само счастье подлежитъ *нравственному* суду». Это одинаково относится, какъ къ эгоизму, такъ и къ «общественному, альтруистическому утилитаризму»: «если постыдно для человѣка посвятить жизнь собственному наибольшему удовольствію, то не менѣе постыдно обратить себя въ орудіе чужого наибольшаго удовольствія». Отсюда выводъ: «нравственная проблема есть прежде всего проблема индивидуалистическая»; «борьба за социальность, т. е. за форму общественнаго сотрудничества, этически всегда подчинена борьбѣ за гуманность». Н. Бердяевъ знаетъ, конечно, какіе практическіе выводы изъ этой индивидуалистической морали дѣлаются въ «эмпирическомъ мірѣ» и заранѣе протестуетъ противъ нихъ: «я хотѣлъ бы, чтобы было наложено клеймо позора на тѣхъ, которые нагло и беззастѣнчиво совмѣщаютъ въ себѣ безобразное противорѣчіе — признаніе за человѣческимъ духомъ безусловной цѣнности, съ одной стороны, и оправданіе гнета и эксплуатаціи... съ другой». Тѣмъ не менѣе, вѣрный буржуазный инстинктъ подсказываетъ ему, что юридическія *гарантіи* нужны не для «социальности», а лишь для «гуманности»: «Мы отрицаемъ», говоритъ онъ, «этико-правовой принципъ народнаго суверенитета и противоплагаемъ ему принципъ неотчуждаемыхъ личныхъ правъ»³⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 50, 257, 260, 261.

²⁾ Ibid., стр. 170.

³⁾ См. Н. Бердяевъ. «Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма». Сборникъ: «Проблемы идеализма», стр. 100, 102, 107, 113.

Въ нѣсколько другой вариации ту же эволюцію велѣдъ за П. Струве и Н. Бердяевымъ продѣлалъ С. Булгаковъ. Въ своей статьѣ—«Основныя проблемы теории прогресса» онъ начинается съ того, что религія и метафизика призваны *дополнить* наше ограниченное точное знаніе, ибо у человѣка есть врожденное стремленіе «выйти за предѣлы своего я», «стремленіе къ недосыгаемому совершенству»; но тутъ же, на глазахъ читателя, онъ расширяетъ компетенцію религіи и метафизики, пытаясь при ихъ помощи *вытѣснить* науку изъ области ею уже завоеванной, именно изъ области историческаго прогресса, законы котораго «претендовалъ» дать Марксъ. Это представляется необходимымъ, во-первыхъ, потому, что Риккертъ «совершенно неопровержимо» доказалъ невозможность историческихъ предсказаній, во 2-хъ, потому, что вѣдѣніе будущаго «обезвкусило бы жизнь и особенно будущее, которое теперь невозбранно можетъ заполнять фантазія». Избавившись такимъ способомъ отъ неприятой «исторической необходимости», С. Булгаковъ начинаетъ заполнять будущее тѣмъ содержаніемъ, которое ему представляется привлекательнымъ. Для этого онъ, подобно Бердяеву, обрушивается на социальный эвдемонизмъ, считающій цѣлью прогресса «возможно большій ростъ счастья возможно большаго числа лицъ», какъ на теорію «вполнѣ буржуазную», «грозящую обратить человѣчество въ животное состояніе», и противопоставляетъ ей философію, доказывающую «внутреннее безсиліе зла, его призрачность, его—страшно сказать—конечную разумность». Въ заключеніе онъ предсказываетъ, что религія займетъ въ жизни «подобающее ей центральное мѣсто» и что уже теперь наше участіе въ социальной борьбѣ должно мотивироваться «не классовымъ эгоистическимъ интересомъ, а... велѣніемъ Бога» ¹⁾.

Таковъ финалъ эволюціи П. Струве и его единомышленниковъ. Объективно весь этотъ эпизодъ въ исторіи русскаго марксизма означалъ первое выступленіе *новой формации буржуазнаго либерализма*, приспособлявшагося къ развитымъ капиталистическимъ отношеніямъ и къ постепенному политическому раскрѣпощенію страны безъ революціонныхъ потрясеній и безъ героическихъ усилій демократіи, приспособлявшагося, словомъ, къ тѣмъ перспективамъ, которыя строили большинство девяностыхъ. Необходимость полной экономической и политической европеизаціи Россіи—таковъ былъ исходный пунктъ этого новаго либеральнаго движенія. Благодаря этому, оно могло извѣтное время идти рука объ руку съ соц.-демократіей, благодаря этому же новая либеральная формація во многихъ отношеніяхъ оказалась радикальнѣе предыдущаго поколѣнія народническихъ либераловъ даже въ концѣ своей эволюціи. Но именно потому, что она твердо стала на точку зрѣнія европейскую и что она чувствовала себя какъ бы одной ногой уже на европейской почвѣ, она съ первыхъ же шаговъ запаслась тѣмъ духовнымъ оружіемъ, которымъ западно-европейская буржуазія давно пользовалась уже въ борьбѣ съ пролетаріатомъ—философскимъ идеализмомъ со всѣми его современными спутниками: индивидуализмомъ, мистикой, декадентствомъ. Она торопливо запаслась оружіемъ, въ которомъ прежнее либеральное поколѣніе, не вѣрившее въ русское рабочее движеніе и потому не за-

¹⁾ См. С. Булгаковъ. „Основныя проблемы теории прогресса“. Сборникъ: „Проблемы идеализма“, стр. 5, 11, 12, 14, 22, 23, 34, 46.

думывавшееся еще надъ классовымъ антагонизмомъ между пролетариатомъ и буржуазіей, не чувствовало еще никакой потребности. Не представляя себѣ ясно того широкаго демократическаго размаха, который должна принять русская революція для того, чтобы справиться съ старымъ порядкомъ, Струве и его единомышленники стали оттачивать это оружіе субъективно *заблаговременно*, а съ точки зрѣнія объективныхъ интересовъ буржуазіи *преждевременно* не только противъ пролетариата, но и противъ демократіи вообще, мечтая, что вся русская демократія въ освободительную эпоху пойдетъ покорно на поводу у модернизированнаго либерализма. Скоро обнаружилось, что это была иллюзія. Такимъ образомъ, поворотъ отъ матеріализма къ идеализму, вытекавшій изъ неизбѣжнаго процесса самоопредѣленія буржуазіи, придалъ этому самоопредѣленію характеръ реакціонный даже съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ буржуазіи. *Въ этомъ отношеніи* новая либеральная формація сдѣлала значительный шагъ назадъ даже по сравненію съ невиннымъ либерализмомъ стараго поколѣнія. Слишкомъ уже эти люди торопились усвоить «цѣльное» міровоззрѣніе современнаго зап.-европейскаго буржуа, усиѣвши основательно забыть мѣки родовъ европейской свободы.

Въ современную историческую эпоху буржуазная интеллигенція можетъ еще участвовать въ революціи или подъ чужимъ, социалистическимъ, флагомъ, или, поскольку она чувствуетъ, что это отрываетъ отъ нея массу буржуазныхъ обывателей,—безъ теоретическаго знамени, эмпирически, подчиняясь властнымъ запросамъ момента. Поэтому, какъ только П. Струве и его единомышленники попытались найти высшее философское оправданіе для своего перехода въ буржуазный лагерь, они роковымъ образомъ стали ковать оружіе противъ революціи и противъ демократіи. Поэтому же, когда въ Россіи запахло революціей, П. Струве, обладавшій болѣе тонкимъ политическимъ обоняніемъ, чѣмъ его единомышленники, забросилъ на время свою идеалистическую метафизику. Характерно, что въ 1902 г. въ боевомъ сборникѣ «Проблемы идеализма» принимали участіе совращенные Петромъ Струве Булгаковъ, Бердяевъ и К^о, онъ же самъ въ это время думалъ уже больше о земной жизни, объ основаніи «Союза освобожденія» и о совмѣстныхъ съ революціонной социаль-демократіей выступленіяхъ. Поэтому наконецъ, впослѣдствіи, когда революція потерпѣла пораженіе, идеализмъ и метафизика опять выступили на сцену. Такимъ образомъ, «Проблемы идеализма» оказались прелюдией къ настоящей симфоніи, которая была разыграна значительно позже въ пресловутыхъ «Вѣхахъ».

III. Переходное время (1900—1903 г. г.).

Борьба ортодоксальной социаль-демократіи съ „критикой“ Маркса и „экономизмомъ“.
Начало новаго поворота—къ бланкизму.

Легальный марксизмъ 90-хъ г. г., изъ котораго взяли начало, съ одной стороны, «экономизмъ», съ другой—либерализмъ новаго типа, былъ отраженіемъ общаго положенія Россіи въ эти годы—быстраго промышленнаго расцвѣта, сопровождавшагося подъемомъ стачечнаго движенія рабочихъ, съ одной стороны,